

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XVI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
февраль 1981 г.

Часть I

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1982

ние материалов "Автобиографии" позволяет многое дополнить и уточнить в изложении и последовательности наиболее важных исторических событий, связанных с английской экспансией в Восточном Гиндукуше. При этом "Автобиография" облегчает прочтение некоторых топонимов и имен собственных в "Истории Хунзы" и дает объяснение местных обычаев и особенностей. Немаловажно и то, что "Автобиография Мухаммада Назим-хана" подтверждает достоверность сведений, сообщаемых в "Истории Хунзы", и неоднократно упоминает о ее авторе. В некоторых случаях тексты обоих источников довольно близки, однако, не располагая оригиналом "Автобиографии Мухаммада Назим-хана", невозможно делать какие-либо текстологические выводы. Особо следует подчеркнуть историко-культурное значение источника. В нем приводятся сведения о мифологии Хунзы, о пережитках доисламских верований и обычаев, интересные с этнографической точки зрения. Наконец, это сочинение представляет собой не только один из немногих источников местного происхождения, но и единственное среди них произведение мемуарного характера.

1 Mirza Muhammad Ghufuran, New History of Chitral (in Urdu). Peshawar, 1962, две рукописи - по истории Хунзы (на персидском языке) и по истории Нуристана (на урду).

2 The Authobiography of Sir Mohomed Nazim Khan. K.C.I.E. Mir of Hunza.

3 Подробно об этом источнике см. Н.Л. Лужецкая, Новый источник по истории Восточного Гиндукуша. - III и ПИКНВ, вып. XV (в печати).

И.Б. Михайлова

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ГОРОЖАНЕ В БАГДАДЕ В X-XII вв.

Багдад X-XII вв., крупнейший город на средневековом мусульманском Востоке по площади (до 4000 га) и численности населения (ок. 400 тыс.), занимал особое место, обусловленное прежде всего его столичным положением. Вплоть до нашествия монголов он воспринимался как духовная столица мусульманского мира. Халиф, даже утратив политическое влияние, на протяжении многих веков продолжал удерживать духовную власть над общиной мусульман. Сила

авторитета его часто была оцутимей реальной политической власти султанов.

Наин представления об управлении городом в аббасидское время весьма приолизительны. Главой Багдада был халиф, назначавший начальника полиции-шурты, старост кварталов, судей. Известно, что в каждой части города, Восточной и Западной, суд вершил свой кади. За нравами и бытом горожан наблюдал государственный чиновник-мухтасиб. В раннеаббасидское время, при халифе ал-Ма'муне, возникла багдадская милиция-ма'уна (букв. помощь), рекрутировавшаяся из горожан. Эта ма'уна была призвана обеспечивать порядок и охрану кварталов от вторжения разбойников и кочевников ¹.

С приходом в Багдад Буидов в структуре управления городом существенных изменений не произошло. Буиды не сумели создать своей собственной государственной системы. Захватив Багдад в 945 г., они в течение тридцати с лишним лет формально правили от имени халифа, но практически весь административный аппарат состоял из ставленников Буидов. Официально халиф ат-Та'и' передал светскую власть в руки Адуд ад-даулы только в 978 г.² В переходный период при халифе сохранялся диван во главе с везиром. Входило ли в функции этого дивана управление какими-то сферами городской жизни, или это была личная канцелярия халифа - сказать трудно. Во всяком случае, после акта передачи власти Буидам государственный аппарат возглавил буидский везир, а халиф с этих пор своего везира лишился ³.

Буидские правители пришли в Багдад с многочисленным дейлемитским войском. Даже на закате их могущества при Самсам ад-дауле было 10000 дейлемитов. Солдат расквартировывали по домам багдадских жителей (в момент занятия города, в период массовых волнений или при угрозе извне), что, естественно, вызвало недовольство горожан. Однако главным своим врагом население считало тюрков, составлявших гвардию буидских эмиров, которую те завели в подражание халифам. Из тюрков, в основном, состояла и полиция-шурта. При Буидах шурта выполняла функции надзора за общественным порядком и обеспечивала поступление налогов. Багдадцы относились к ней с поразительным единодушием, забывая в противодействии ей о собственных внутренних разногласиях: сунниты объединялись с шиитами, богачи с бедняками. Шурта воспринималась горожанами как глубоко враждебный элемент в структуре багдадского общества.

В этом отношении весьма показательна борьба багдадских аййаров против шурты, достигшая своего апогея в конце X - первой трети XI в.⁴ Аййары убивали начальников шурты, устраивали облавы на

солдат-полицейских, подстрекали горожан на открытую вооруженную борьбу. Иногда возникали такие ситуации, когда шурта оказывалась бессильной перед лицом взбунтовавшегося населения и вынуждена была либо искать союза с главарями аййаров, либо ретироваться из города. Примечательно, что попытки призвать аййаров на службу в шурту всегда были безуспешны. Они предпочитали уйти на время из города, чем запятнать себя такой службой.

Параллельно с шуртой в буидский период в Багдаде существовал другой полицейский институт — ма'уна, как кажется, значившая для города гораздо больше, чем шурта. Ма'уна претерпела мало изменений со времени ранних Аббасидов. Буиды взяли ее под свой контроль, как раньше халифы. Представитель военной буидской администрации, как правило, возглавлявший и шурту, и ма'уну носил титул сахиба или назира⁵ Во время городских восстаний, когда шурта покидала Багдад, ма'уна оставалась единственной полицейской силой в городе. Трудно сказать с определенностью, на какие средства она содержалась. Ибн ал-Джаузи⁶ в связи с событиями 425/1033—34 гг. сообщает, что, захватив власть в Багдаде, аййары "не жалели сил в охране города и действовали по справедливости, и [твердо] стояли на этом. Они взялись за сбор налогов с базаров, что делали обычно вооруженные (асхаб ал-масалих), и брали то, что положено сахибу ал-ма'уна из доходов с судов и с кузнецов". Это единственное свидетельство позволяет предположить, что существовала какая-то форма самообложения багдадцев в пользу ма'уны.

В конце правления Буидов ма'уна была фактически единственной силой, способной в какой-то мере противостоять засилью аййаров. Багдадское население оказывало ей поддержку, о чем говорят события 421—429/1030—1038 гг., когда глава ма'уны Ибн ан-Насави, получивший всю полноту власти от султана, сумел подавить аййарское движение, опираясь на широкие слои горожан, которых он привлек себе в помощь⁷.

Аййары, со своей стороны, относились к ма'уне лояльней, чем к шурте. Есть ряд свидетельств, что они охотно шли туда на службу, а порою готовы были заменить ее, требуя от властей передачи охраны города в их руки⁸.

С воцарением Сельджуков ма'уна исчезает из политической жизни Багдада. Шурта продолжает существовать, но упоминания о ней крайне редки, что заставляет думать о снижении ее значения для города.

В сельджукское время картина управления Багдадом качественно меняется. Халиф в их правление пользовался не только духовным авторитетом, но получил и некоторую административную власть. Уже с

1061 г. (через шесть лет после занятия Сельджуками Багдада) халиф имел своего везира, возглавлявшего диван, в котором разбирались жалобы, поступавшие от горожан, даже на султана; он отдавал распоряжения о налоговых сборах, высылал собственную гвардию на подавление межквартальных религиозных распри⁹.

Чем ближе к закату была власть Сельджуков, тем большая сила концентрировалась в руках халифа, тем чаще он заявлял о своих правах. Показательно, что на борьбу с султаном Махмудом II халиф ал-Мустаршид выступил во главе собственного войска численностью более 30 тысяч человек.

Таким образом, в Багдаде сельджукского времени можно наблюдать определенное двоевластие, которое окончилось в правление халифа ал-Муктафи (1136-1160 гг.), когда управление городом перешло полностью в его руки, и Сельджуки перестали получать дань с аббасидской столицы.

В правление Сельджуков полицейские функции перешли к гарнизону шихны, наместника султана в Ираке и Багдаде. Этот гарнизон являлся составной частью султанского войска, багдадцам в нем не было места, и поэтому они воспринимали его враждебно. Безраздельное господство шихны, его жестокое обращение с горожанами, бесконечные поборы и разнузданное поведение его солдат часто вызывали всеобщее возмущение, выражавшееся в антиправительственных выступлениях. В середине XI - середине XII вв. в борьбе с гарнизоном шихны происходила консолидация сил багдадского населения, приведшая в конечном счете к созданию народного ополчения (может быть, к возрождению ма⁴уни?), поддерживавшего новую армию аббасидского халифа.

При рассмотрении взаимоотношений халифа и шихны создается впечатление, что халиф оказывал определенное, со временем все возрастающее, влияние на наместника султана. Об этом красноречиво свидетельствуют события 487/1094 г. Жители квартала Баб ал-Басра отказались повиноваться своему накибу (квартальному старосте), и тот обратился за поддержкой к шихне Аййатекину. Шихна выслал в помощь накибу своего хаджиба, но население Баб ал-Басра прогнало его градом камней. Аййатекин отправил туда отряд солдат, однако халиф заступился за жителей квартала, и шихна отказался от своего первоначального намерения разорить Баб ал-Басра¹⁰.

В 495/1101-02 гг. между жителями квартала лодочников и шихна Илгази произошло кровавое столкновение. Лишь вмешательство халифа спасло квартал от разгрома¹¹.

В том же году султаны Баркйарук и Мухаммад, боровшиеся за

обладание Багдадом, направили туда каждый своего наместника. Халиф ал-Мустанзхир выразил недовольство присутствием в столице сразу двух шихна и потребовал удалить наместника Баркйарука¹².

В 517/1123-24 гг. халиф ал-Мустарид создал армию, которая была организована по принципу народного ополчения. Она принципиально отличалась от прежних армий халифов, поскольку была основана на добровольческих началах. Ибн ал-Асир так писал об этом: "И было объявлено тем из народа (ал-'амма), кто хочет стать солдатом (джунди), чтобы они пришли. И пришло много людей, и были розданы среди них деньги и оружие". С помощью нового войска аббасидские халифы освободились из-под влияния сельджукских султанов, обеспечив почти на сто лет (до монгольского разгрома) независимость Багдадскому халифату.¹³

В заключение необходимо подчеркнуть, что Багдад, организационно являвшийся структурной ячейкой централизованного государства, как и другие города мусульманского средневековья, не имел никакого правового статута и управлялся центральными властями. Органы власти и управления объективно включались в сложное переплетение интересов, взглядов и политических устремлений багдадского населения, оказывая существенное влияние на общественную жизнь города. Однако уровень наших знаний об органах управления в Багдаде еще недостаточен, чтобы полностью охарактеризовать структуру государственного управления. Это объясняется прежде всего отсутствием документов этого времени и скудостью сведений, доставляемых нам историческими хрониками.

¹ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari, ed. M.J. De Goeje, Leiden, 1879-1901, ser.III, t.2, с.1008-1009.

² См. подробное описание этого события: Хилал ас-Сабби. Русум дяр ал-хилафа, изд. М. Аввад. Багдад, 1964, с.84.

³ Там же, с.86-93.

⁴ Об аййарах Багдада см. ШВ, II, 1978, с.86-93.

⁵ Так же как при Аббасидах. В правление ал-Муктадир "гарнизон (шихна) Багдада во главе с Назуком, "сахибом ма'уны", насчитывал 14 тыс. пехих и конных" (Русум, с.17).

⁶ Al-Muntazam fi tarikh al-muluk wa-l-umam by Ibn al-Djawzi, Hyderabad, 1940.

⁷ Там же, см. годы: 421-429.

⁸ Там же, т.9, с.243; Ибн ал-Асйр, Камил фи та'рих, Лейден, т.10, с.243-244.

⁹ Камил, т.10, с.450.

¹⁰ Там же, с.163.

¹¹ Там же, с.231-232.

¹² Там же, с.245.

¹³ Там же, с.428.

Л.К.Павловская

ШИХУА О ТОМ, КАК ТРИПИТАКА ВЕЛИКОЙ ТАН ДОБЫЛ
СВЯЩЕННЫЕ КНИГИ
(письменные источники и их место в сюжете и композиции)

Путешествие монаха Сюань-цзана в Индию (629-645 гг.) не только интереснейший факт китайской истории и истории китайского буддизма, но и событие, которое заняло прочное место в истории китайской литературы. На протяжении столетий этот сюжет разрабатывался в различных жанрах, пока не получил свое высшее завершение в знаменитом романе У Чэн-эня (XVI в.) "Путешествие на Запад" /10/. Первым же повествовательным произведением (из сохранившихся до наших дней) о путешествии Сюань-цзана является "Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги" (14; далее: шихуа).

В китайской буддийской литературе представлена вся жизнь Сюань-цзана; с тринадцатилетнего возраста отданная служению буддизму: постижение учения, путешествие, переводческая и творческая деятельность /13; 15; 16; 19/. Однако народная литература сконцентрировала свое внимание только на путешествии Сюань-цзана - оно было воспринято как единственное деяние, прославившее известного буддийского паломника и увековечившее его имя под прозваниями Трипитаки или Танского монаха.

Уже при жизни вокруг имени Сюань-цзана стали создаваться легенды, связанные, прежде всего, с его путешествием. Эти легенды, с одной стороны, оказывали некоторое влияние на официальную литературу о Сюань-цзане, а, с другой, сами черпали материал из письменных источников, содержащих сведения о путешествии монаха. Искусство шошуду - народных рассказчиков, особенно процветавшее в